

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.6>

Ибатуллина Гузель Мртазовна, Костеркина Ольга Васильевна

Мистериальный мир стихотворения А. А. Тарковского "Я тень из тех теней..."

Статья посвящена исследованию мистериальных принципов изображения в стихотворении А. Тарковского "Я тень из тех теней...". Произведение впервые анализируется в данном аспекте, что определяет актуальность и научную новизну работы. Отмечается, что система мифологических и символических образов и мотивов, динамика становления сознания героя, специфика хронотопа коррелируют с мистериальной поэтикой. Авторами установлено, что художественная парадигма текста на всех уровнях его поэтической структуры организована логикой мистериального мировидения. В отличие от древних мистерий, где в первую очередь значимо завершение пути, в стихотворении Тарковского доминантой становится сам Путь как состояние пролонгированного диалога с Истиной и Бытием.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 29-32. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 20.01.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.6>

Статья посвящена исследованию мистериальных принципов изображения в стихотворении А. Тарковского «Я тень из тех теней...». Произведение впервые анализируется в данном аспекте, что определяет актуальность и научную новизну работы. Отмечается, что система мифологических и символических образов и мотивов, динамика становления сознания героя, специфика хронотопа коррелируют с мистериальной поэтикой. Авторами установлено, что художественная парадигма текста на всех уровнях его поэтической структуры организована логикой мистериального мировидения. В отличие от древних мистерий, где в первую очередь значимо завершение пути, в стихотворении Тарковского доминантой становится сам Путь как состояние пролонгированного диалога с Истиной и Бытием.

Ключевые слова и фразы: лирика А. Тарковского; мистерия; жанр; мифопоэтика; художественный код; символический подтекст; парадигма.

Ибатуллина Гузель Мртазовна, д. филол. н., доцент

Костеркина Ольга Васильевна

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

guzel-anna@yandex.ru; olgalychik@mail.ru

Мистериальный мир стихотворения А. А. Тарковского «Я тень из тех теней...»

Сложная многослойная структура лирических текстов Арсения Тарковского (как в плане художественно-содержания, так и поэтики) определила разновекторную направленность работ, посвященных их интерпретации. Литературоведы обращаются к изучению пространственно-временной организации, особенностей сознания лирического героя, метафорического языка произведений Тарковского [3; 6; 11], к экспликации их интертекстовых, культурологических, мифопоэтических кодов [4; 5; 8]. Одним из самых **актуальных** и продуктивных направлений в обозначенном исследовательском поле является анализ жанровой архитектоники, поскольку именно поэтикой жанра обусловлены ключевые для произведений поэта принципы смыслопорождения. На наш взгляд, на уровне внутренней жанровой формы лирика Тарковского (и большая часть программных стихотворений, и художественный мир в целом) организована принципом мистериальности. Данный концептуальный подход определяет **научную новизну** исследования, поскольку мистериальные контексты поэзии Тарковского остаются практически неизученными в литературоведении.

Предмет исследования – мистериальный мир стихотворения А. Тарковского «Я тень из тех теней...». **Цель** работы – объяснение функций мистериальных образов и мотивов в названном стихотворении – определяет ряд конкретных **задач**: анализ особенностей сознания лирического героя и связанного с ним развития лирического сюжета; интерпретация мифопоэтического и символического подтекста произведения; исследование форм воплощения мистериального хронотопа в художественном мире стихотворения. Для решения поставленных задач используются мифопоэтический, структурно-сопоставительный, системно-функциональный **методы** анализа текста.

Стихотворение «Я тень из тех теней...» – выразительный пример поэтической реализации мистериальных кодов изображения и миропонимания в лирике А. Тарковского. Поскольку текст произведения небольшого объема, приведем его здесь полностью.

«Я тень из тех теней, которые, однажды
Испив земной воды, не утолили жажды
И возвращаются на свой тернистый путь,
Смущая сны живых, живой воды глотнуть.

Как первая ладья из чрева океана,
Как жертвенный кувшин выходит из кургана,
Так я по лестнице взойду на ту ступень,
Где будет ждать меня твоя живая тень.

– А если это ложь, а если это сказка,
И если не лицо, а гипсовая маска
Глядит из-под земли на каждого из нас
Камнями жесткими своих бесслезных глаз...» [9, с. 351].

Стихотворение принадлежит к тому ряду произведений Тарковского, в которых он обращается к непосредственному, нарративно явленному диалогу с мифологическими первообразами, что определяет особую структуру сознания лирического героя. С одной стороны, с первых строк («Я тень из тех теней, которые однажды / Испив земной воды, не утолили жажды» [Там же]) сознание героя откровенно ориентировано на мифологизированные формы мировосприятия, с другой – представлено в ситуации диалогического

отстранения от мифологических констант. Изначальная монистическая целостность мифа опосредуется интонациями рефлексивно-медитативного вопрошания, достигающего текстуальной кульминации в финале, уже непосредственно представляющем собой диалогическую реплику. Подобная жизнь сознания *на границах* мифа, требующая и погружения в миф, и обретения способности дистанцироваться от его экзистенциальной безусловности, характерна, на наш взгляд, для мистериальной концепции отношений человека и мира (курсивы принадлежат авторам статьи. – Г. И., О. К.).

Именно мистериальность мировидения Тарковского позволяет объяснить обнаруженные рядом исследователей противоречия, «в тисках которых бьётся мысль поэта и которые становятся “перводвигателем” его художественного космоса» [8, с. 239]. Мирознание лирического героя (и репрезентируемого им авторского сознания) может показаться противоречивым, если интерпретировать его в рамках чисто мифологической или, напротив, рационально-логической картины реальности, поскольку обе предполагают поиск ответов на вопросы в статичных и изначально заданных смысловых координатах. С этой точки зрения, действительно, кажется, что в «Тени...» «финальный вопрос остаётся без ответа, повисает в воздухе, поэтическая мысль упирается в глухую, неподвижную стену, отделяющую живых от мёртвых» [Там же, с. 238]. Однако перед нами текст, изначально выстроенный как многоуровневый диалог – с универсумом, с культурой, с существующими культурологическими мифами, – и, как во всяком диалоге, сознание героя оказывается здесь в ситуации пролонгированного выбора, открывающего возможность освобождения от иллюзорности мифа. В действительности в финале мы встречаемся не со стеной между миром живых и мертвых, а с *диалогизированным образом* этой стены, само существование которой обозначено как кульминационный вопрос не только данного стихотворения, но и человеческого бытия в целом:

«– А если это ложь, а если это сказка,
И если не лицо, а гипсовая маска
Глядит из-под земли на каждого из нас
Камнями жесткими своих бесслезных глаз...» [9, с. 351].

Сознание героя представлено одновременно и на границах жизни и смерти, и на границах мифов о жизни и смерти, и на границах вопросов об этих феноменах. Все стихотворение – вопрошание о безусловности этих границ, порожденное попыткой освободиться от описывающих их мифов, и здесь мы отчетливо видим проявление основного теургического принципа ритуальных мистерий. Мистерия призвана привести иницируемого к границам собственного сознания, мировидения, к границам собственного Я, чтобы на заключительном этапе выйти за их пределы и обрести новые возможности самоопределения и самореализации. Подобный путь проходит лирический герой стихотворения, и весь процесс лирической рефлексии представлен, по сути, как Путь к Откровению, которое можно получить не как готовое знание, а через ряд собственных вопрошающих выборов и отказ от мифологизированных иллюзий. Ситуация индивидуального выбора является ключевой и для ритуальных мистериальных Посвящений, и для сюжетов театрализованных мистерий, поскольку определяет восходящий или нисходящий вектор миста или судьбы героя. В смысловом пространстве стихотворения отражена и значимая для мистериальной традиции идея универсальности такого Пути, он открыт для каждого, кто готов вступить на «тернистый путь» поиска истины: фраза «Я тень из тех теней, которые однажды...» говорит об общечеловеческом характере переживаемых героем состояний. Неслучайно текст произведения насыщен символами, метафорами, архетипически укорененными в культурной памяти человечества и прозрачными для читательского восприятия, как, например, мотив чудесного преодоления смерти с помощью «живой воды». Вместе с тем, в отличие от архаических мистерий, где результат и завершение пути не менее важны, чем движение к ним, в логике мировидения Тарковского доминантой становится именно сам Путь как состояние непрекращающегося диалога с Истиной.

Рассмотрим наиболее характерные образы и мотивы, позволяющие интерпретировать этот Путь как мистериальный, а не просто мифологический, исходя из того, что по своей форме мистерия есть драматизированный (и всегда драматургически оформленный) миф, а по своему внутреннему смысловому наполнению – *осознание* мифа, открывающее возможность нового мировосприятия и самоопределения [1, с. 12-25].

Художественная парадигма стихотворения организована рядом знаковых метафор-мифологем, отражающих логику медитативных размышлений лирического героя. Он представлен в экзистенциально-сфокусированной ситуации выбора между иллюзией // мечтой и реальностью. Образ тени, по сути, становится метафорой сознания героя, рефлексивно путешествующего в пространстве Жизни – Смерти в поисках ответов на вопрос о возможности возвращения и новой встречи с возлюбленной. Перед нами явная отсылка не к мифу об Орфее как таковому, а к его мистериальному модусу: мифологический сюжет повествует о попытке Орфея вернуть Эвридику из царства теней и о драматической судьбе музыканта и его возлюбленной, в то время как смысл орфических мистерий (использовавших в том числе и мифологические сюжетные коллизии) был в ином. С. Н. Трубецкой, характеризуя орфический мистицизм и связанные с ним мистериальные таинства, отмечает, что Орфей был «древним носителем... откровения», «а предметом откровения служит вопрос о божестве в его отношении к миру и человеческой душе, о судьбе этой души, о средствах ее спасения, искупления и о пути ее к божеству» [10, с. 91]. История Орфея и Эвридики в данном контексте символизирует тот путь испытаний, искушений, личностных выборов, которые проходит мист, чтобы получить откровение и духовное Посвящение. Суть открывающихся орфику истин во многом резонирует с основной медитативной темой стихотворения Тарковского, вероятно, осознанно ориентированного на их осмысление. Орфики верили

в реинкарнацию и считали, что «в человеке временно пребывает божественное начало, некий демон (душа), оказавшийся в теле по причине изначального греха. <...> Этот демон не только предсуществует телу, но и не погибает вместе с телом. Он осуждён к реинкарнациям в последующих телах, и через серию рождений должен искупить изначальный грех» [7, с. 9].

Для лирического героя Тарковского путь внутреннего *обретения* истины о жизни и смерти становится путем *испытания истины*, а тем самым и собственных инвариантных иллюзий о ней: «А если это ложь, а если это сказка...». Искушение иллюзиями и мифологизированными образами – «теньями» реальности («Как первая ладья из чрева океана, / Как жертвенный кувшин выходит из кургана» [9, с. 351]) – контрапунктно встречается в его сознании с опасностью агностицизма и нигилистического разрушения живой правды Откровения. Неслучайно в заключительной полемической реплике о возможной окончательности смерти появляется образ маски, а не надгробия, могильного холма и т.п. – то есть более безусловных в своей экзистенциальной убедительности символов смерти. Маска – еще одна иллюзия, претендующая в данном случае на роль разрушителя иллюзорных «сказок», однако не способная сделать это в силу своей собственной условности.

Герой осознает, что в реальности его ждут две возможности – идеал и *иллюзия идеала* той жизни, к которой он устремлен в своих желаниях. Об этом свидетельствует антитеза образов лица и маски: маска здесь – олицетворение иллюзии, лицо же – воплощение идеала. Лирический герой стихотворения в финале остается в ситуации духовного выбора: «И если не лицо, а гипсовая маска / Глядит из-под земли на каждого из нас / Камнями жесткими своих бесслезных глаз?..» [Там же]. Однако то, что маска – иллюзия – «глядит из-под земли», также неслучайно: герой способен воспринимать свои иллюзии отстраненно, с определенной смысловой дистанции, в результате данная метафора приобретает особые семантические обертоны: отстраненность героя свидетельствует о способности к объективному восприятию им и переживаемой им ситуации духовного испытания, и собственных жизненных устремлений, в том числе стремления к мечте-идеалу.

В подобной внутренне диалогизированной ситуации выбора многие значимые образы и метафоры стихотворения оказываются семантически амбивалентными. Так, «первая ладья из чрева океана» и «жертвенный кувшин», выходящий из кургана, прочитываются не только как мифологизированные образы реальности, то есть ее «тени» (о чем мы уже сказали выше), но одновременно и как образы, противопоставленные иллюзиям-теньям благодаря своему подчеркнутому вещественно-земному характеру.

Трансформация ритуальных ситуаций испытания (герой амбивалентно оказывается и испытуемым, и испытующим) обозначена в стихотворении также инверсией традиционных мифологических и мистериальных коллизий: если Орфей спускается в царство теней, то герой стихотворения поднимается из него по ступеням, ведущим в мир живых. Соответственно, в анализируемом тексте мотив восхождения по лестнице приобретает амбивалентное звучание: с одной стороны, в сознании лирического героя утверждается реальность возвращения («Так я по лестнице взойду на ту ступень, / Где будет ждать меня твоя живая тень» [Там же]), с другой – восхождение-возвращение грозит обернуться спуском-нисхождением в мир иллюзий-теней («А если это ложь...»).

Приведенный пример пространственной инверсии («вверх по лестнице, ведущей вниз») демонстрирует, что мистериальный мир стихотворения эксплицируется не только на уровне сознания героя и связанного с ним движения лирического сюжета, но и на уровне поэтического хронотопа. Там, где в смысловой парадигме произведения актуализированы мистериальные концепты, мы, как правило, обнаружим в структуре мирообраза мистериальные же принципы миромоделирования. Мистериальный хронотоп предполагает как двоичную, так и троичную структуру реальности. Согласно первой, пространственно-временной мир имеет двуплановый характер: «земной», материально проявленный план и метафизический, «потусторонний». В троичной модели реальности метафизический план предполагает дифференциацию – на «Верхний» (Небеса, Рай и т.п.) и «Нижний» (преисподняя, царство мертвых, сфера Хаоса и природных духов) миры. В отличие от подобной трехъярусной модели мира в мифе, в хронотопе мистерии актуализирован также и временной вектор, подразумевающий восприятие судьбы и отдельного человека, и судеб человечества в целом как явлений движущихся, становящихся, и логика этого движения определяется индивидуальными выборами человеческой души [2, с. 46].

Временной вектор художественного универсума произведения, вектор диалогизированного становления, уже был очерчен, когда речь шла о развитии лирического сюжета параллельно движению сознания лирического героя, в процессах его медитативно-рефлексивных выборов и вопрошаний. Можно лишь добавить, что эти процессы совершаются одновременно в двух темпоральных планах: в «вечно длящемся настоящем», где пребывает «отстраненное» сознание героя, и в хронометрированной реальности с ее дифференциацией на прошлое – настоящее – будущее, инвариантные образы которой легко вычлениются в смысловой парадигме стихотворения: «однажды», «первая ладья», «где будет ждать» и др.

Обозначим некоторые особенности пространственного континуума стихотворения, обусловленные логикой мистериального мирообраза. Художественное пространство произведения организовано, так же, как в мистерии, и двоичной, и троичной моделью реальности. Двоичная модель предполагает здесь дивергенцию «физического» и «сверхфизического» бытийных планов, реализуемую в тексте через систему семантических оппозиций: живой – мертвый // жизнь – смерть, человек – тень, земной – потусторонний, верх – низ и т.д. Троичная модель выстраивается через ряд мифологем, имеющих знаковый в контекстах европейской культуры характер и отчетливо разделяющих Нижний, Срединный (земной) и Верхний миры. Нижний мир принадлежит теням, с которыми отождествляет себя лирический герой. Тень здесь – бесплотный дух, который жаждет преодолеть границы смерти и вернуться в мир земной, и одновременно, как мы уже отмечали, – метафора сознания героя: «Я тень из тех теней, которые, однажды / Испив земной воды, не утолили жажды /

И возвращаются на свой тернистый путь...» [9, с. 351]. «Выражение “пить земную воду”, – по словам П. Е. Печенкиной, – в данном случае можно интерпретировать как перифразу слова “жить”» [5]. Вместе с тем земные воды и «тернистый путь» прочитываются как метафоры Срединного мира. Если Срединный и Нижний миры в пространстве стихотворения объективируются – соответственно через реальность эмпирического земного бытия и гипостазированную реальность мифа, – то Верхний мир «интерферентно» сливается со сферой идеала в сознании героя. Это не Небеса и Рай в традиционном понимании, но это тоже некая высшая реальность, в которой преодолевается «притяжение» смерти, и, так же, как в мистерии, эта реальность требует освобождения от «слишком человеческих» сомнений, инициирует к внутреннему выбору и духовному восхождению. Знаковым здесь становится архетипический образ лестницы как хронотопа, позволяющего преодолеть границы между мирами и дающего возможность воскресения героя: «Так я по лестнице взойду на ту ступень, / Где будет ждать меня твоя живая тень...» [Там же].

Однако, как мы уже говорили, в образно-смысловой парадигме произведения лестница – хронотоп, связанный не только с Верхним, но и с Нижним миром, и это неслучайно. Объяснить это можно тем, что, в отличие от архаических мистерий, ориентированных на итоговое Посвящение и Откровение, приобщение к высшей реальности как некой конечной цели Пути, в стихотворении Тарковского статус аксиологической доминанты приобретает сам Путь как ситуация пролонгированного творческого диалога с Истиной, имеющая ценность независимо от результата. Поэтому восхождение-воскресение и, соответственно, Посвящение в бессмертие открываются герою как возможность, а не осуществленная реальность. Вместе с тем это не снижает бытийного статуса ситуации, поскольку внутренний смысл всех мистерийных перипетий – в пробуждении сознания, а способность героя Тарковского к диалогическому отстранению от готовых истин (даже открываемых Посвящением) представлено, по сути, кульминацией такого пробуждения.

Таким образом, анализ образно-смысловых контекстов стихотворения «Я тень из тех теней...» приводит к **выводу**, что его поэтика как на уровне хронотопа, так и на уровне внутренней жанровой формы в целом организована принципом мистерийности. С логикой мистерийного мира коррелируют мифопоэтическая и символическая парадигма произведения, а также лирический сюжет, отражающий «диалектику души» героя и диалогическое становление его сознания на пути к высшей истине – Откровению.

Список источников

1. **Ибатуллина Г. М.** Мистерийные миры в русской литературе XIX-XX веков. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. 107 с.
2. **Ибатуллина Г. М.** Мистерийный контекст в стихотворении А. Тарковского «Первые свидания» // News of Science and Education. 2019. Т. 11. № 4. С. 45-47.
3. **Кекова С. В.** «Эсхатологический миф» и «Священный реализм истории» в стихотворениях Арсения Тарковского «Степь» и «Голуби на площади» // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 12 (68). С. 265-268.
4. **Курасова Н. В.** Интертекстуальность в поэзии А. Тарковского (сборник «Земле – земное») // Гуманитарный трактат. 2019. № 54. С. 30-32.
5. **Печенкина П. Е.** Слово и сюжет (на материале стихотворения А. Тарковского «Я тень из тех теней...») [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2011/C77/V2/008.pdf> (дата обращения: 17.01.2020).
6. **Рахматова А. С.** Образ телесной метаморфозы в неклассической лирике (на примере стихотворений А. Тарковского и Н. Заболоцкого) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 2. С. 258-261.
7. **Реале Дж., Антисерри Д.** Западная философия от истоков до наших дней: в 4-х т. СПб.: Петрополис, 1994. Т. 1. Античность. 336 с.
8. **Резниченко Н.** «От земли до высокой звезды»: мифопоэтика Арсения Тарковского. Нежин – К.: Издатель Н. М. Лысенко, 2014. 272 с.
9. **Тарковский А. А.** Собрание сочинений: в 3-х т. / сост. Т. Озерской-Тарковской. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1. Стихотворения. 462 с.
10. **Трубецкой С. Н.** Курс истории древней философии. М.: ВЛАДОС; Русский Двор, 1997. 576 с.
11. **Varatynskaya Z.** Poetik der “Ewigen Ruckkehr” Arsenij Tarkovskijs als Phänomen des konvergenten Bewusstseins [Электронный ресурс]. URL: <http://ediss.sub.uni-hamburg.de/volltexte/2011/5326/pdf/dissertation.pdf> (дата обращения: 15.01.2020).

Mysterial World of A. Tarkovsky's Poem “I Am a Shade among Those Shades...”

Ibatullina Guzel' Mrtazovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Kosterkina Ol'ga Vasil'evna

Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak

guzel-anna@yandex.ru; olgalychik@mail.ru

The article examines mysterial principles of description in A. Tarkovsky's poem “I Am a Shade among Those Shades...”. Tarkovsky's poetical work is for the first time analysed in such an aspect, and this fact determines relevance and scientific originality of the paper. It is noted that the system of mythological and symbolic images and motives, dynamics of the hero's consciousness formation, specificity of the chronotope correlate with mysterial poetics. The researchers show that the text artistic paradigm at all the levels of its poetical structure is organized according to the logic of mysterial world vision. Contrary to ancient mysteries where path completion is accentuated, Tarkovsky's poem emphasizes Path itself as a state of continuous dialogue with Truth and Existence.

Key words and phrases: A. Tarkovsky's lyrics; mystery; genre; mytho-poetics; artistic code; symbolic subtext; paradigm.